У Бочканц Ованеса сложились очень уважительные отношения с ослом Марлезоном и крайне неуважительные — с пчелами. Казалось бы, тоже мне беда. В конце концов, не каждому дано жить в мире и согласии со всеми божьими тварями. Но Бочканц Ованес был пасечником. Мастером своего дела. Практически лучшим. И подобный оксюморон омрачал ему жизнь.

Отношения с пчелами испортились совсем недавно, потому собирался он теперь на пасеку, как на войну. Надевал сорочку с длинным рукавом, застегивался на все пуговицы. Брюки заправлял в носки. Проверял защитную сетку на маске с той тщательностью, с какой аквалангист обследует оборудование перед погружением. Приобрел в хозяйственном длинные плотные резиновые перчатки и попросил жену тщательно приладить к ним лямки. Сатеник, памятуя о несговорчивом характере мужа, возражать не стала, только спросила, зачем ему это надо.

— Ты приладь, там видно будет! — отрезал Ованес. У него всегда портилось настроение, когда задавали несанкционированные вопросы.

— И-их, неуступчивый баран, — вздохнула Сатеник и пустила на лямки старое кухонное полотенце.

Ованес надевал перчатки загодя, на подступах к пасеке. Лямку с левой перчатки перекидывал на правое плечо, с правой — на левое. Получалась диковинная, но надежная конструкция: лямки перетягивали грудь и давили на шею, но спасали от внезапной потери перчатки.

— А вдруг она свалится, когда я в улей полезу? — объяснял Ованес Марлезону. Марлезон водил ушами и одобрительно фыркал — в отличие от Сатеник, он понимал своего хозяина с полуслова.

Дополнительной защитой пришлось озаботиться после того, как пчела ужалила Ованеса в ухо. За сорок лет это был чуть ли не сотый случай, но в этот раз все пошло наперекосяк — ухо моментально вспухло футбольным мячом и подозрительно запульсировало. Следом принялась раздуваться шея.

Ованес выронил крышку улья и, пренебрегая мирно пасущимся невдалеке домашним транспортом, припустил к деревне. Марлезон помчался следом, возмущенно иа-иакая. Так и добрались до поликлиники — впереди распухший до размера камазной покрышки Ованес, следом — оскорбленный до глубины своей ослиной души Марлезон.

— Наконец-то ты оправдываешь прозвище своего рода, — хохотнул дежурный врач, ставя спасительный укол. Ованес хотел было огрызнуться, но не смог — вздувшиеся губы не шевелились. Он недовольно замычал, давая понять бесцеремонному доктору, что тот выбрал не самое подходящее время для шуток. Тот замахал руками и примирительно улыбнулся.

Род Бочканц унаследовал прозвище от Шмавона, который был таким толстым, что все его называли бочкой. Ованес застал последние годы жизни прапрадеда — тот целыми днями лежал на тахте — большой, неповоротливый — и одышливо матерился в потолок.

Впервые услышав его сквернословие, Ованес ужасно заволновался — над потолком как раз находилась спальня его родителей.

— Апи , это ты на маму с папой ругаешься?

Прапрадед чуть не поперхнулся.

— Собакин щенок, при чем здесь твои мама с папой? Я Создателя ругаю. Почему он меня таким толстым сотворил? А в придачу еще и коротышкой! Совесть у него есть?

Прапрадед к концу жизни оглох, но силу голоса не растерял. Потому высказывал свои претензии небесной канцелярии до того громогласно, что куры на том конце деревни от испуга по несколько раз на дню неслись. Контуженная его сквернословием небесная канцелярия, по-видимому, сделала правильные выводы. И все потомки прапрадеда получались худощавыми и высоченными. Но прозвище все равно носили Бочканц — из рода Шмавона-Бочки.

Отек спал только к вечеру. Ованес вернулся домой и огорошил жену новостью, что у него обнаружилась непереносимость пчелиного яда.

— Но ведь раньше ничего такого у тебя не было! — удивилась она.

— Раньше не было, а теперь есть.

— Говорили же, что пчелиный укус не ядовитый! — не унималась Сатеник.

— Раз не ядовитый, иди, опрокинь на себя улей! А мне одного раза хватило, — рассердился Ованес.

Отказываться от промысла, приносящего стабильный доход, он не собирался. Просто придумал дополнительные меры защиты — хозяйственные перчатки на лямках, плотная сорочка с длинным рукавом и заправленные в толстые носки брюки — даже в самое пекло.

Односельчане поговаривали, что в городе есть специальные магазины для пчеловодов, где можно купить костюм, в котором тебя не то что пчела не ужалит, а лев не прокусит. Но Ованес этим слухам не верил. Он вообще городским не доверял. Что они понимают в пчелах? Ровным счетом ничего. Так чего ради должны придумать годный защитный костюм? Вздор все это! Человек, оторванный от природы, черствеет душой. Какой с него спрос? Соврет и не застесняется.

Несмотря на тщательно подбираемую амуницию, он лелеял тайную надежду, что случай с аллергией на укус пчелы не что иное, как глупое недоразумение. Исключение из правил. Раз в год и палка стреляет. Но это же не означает, что она превращается в ружье!

Вон, Марлезон. С ним ведь тоже не сразу сложились паритетные отношения. Всю душу вынул, пока человеком стал. Купил его Ованес у Назинанц Сурена за большие деньги — шестьдесят американских долларов. Сурен переезжал к сыну в Небраску, вот и распродавал домашнюю живность за доллары. Ованес натянул отцовский патронташ, съездил в райцентр, напустил грозным видом страху на работника банка, чтобы тот не смел ему фальшивые деньги продавать, а далее, тщательно припрятав три двадцатидолларовые бумажки в нагрудный карман, поехал к Сурену.

Со старым хозяином осел распрощался сдержанно — только хвостом шевельнул. За Ованесом шел с достоинством, брезгливо обходя лужи. Фортель выкинул, не дойдя двадцати метров до калитки: встал как вкопанный посреди улицы — и все. Ни туда и ни сюда. Промучившись с ним битый час, Ованес махнул рукой и ушел в дом — надумает, сам придет.

Упрямое животное простояло так три дня. Ованес все это время наблюдал за ним с веранды. Сатеник выносила поесть и попить. Осел сено игнорировал и даже от морковки морду воротил, но воду пил. И угрюмо молчал. На третий день Ованес, проклиная все на свете, пошел к Сурену.

— Иди, забери своего осла, обманщик! — крикнул он ему с порога.

— В смысле «обманщик»? — обиделся Сурен.

— Издеваешься, что ли?

— Вообще нет!

— Это животное третий день на дороге стоит, во двор не заходит!

— Не может такого быть!

— Сурик, хоть ты и диплом имеешь, ты все равно говно-человек. Не мог предупредить, что осел с приветом?

— При чем здесь мой диплом? — невпопад оскорбился Сурен.

— Тьху! — сплюнул Ованес и ушел домой.

Осел стоял посреди двора, окруженный курами, и шевелил в такт их кудахтанью ушами.

— Это как понимать? — опешил Ованес.

Жена всплеснула руками:

— Ты представляешь, я просто распахнула перед ним калитку.

— И?

— И он отмер.

— Как?

— А вот так! — Она отомкнула калитку и отошла в сторону. Осел двинулся к выходу. Она калитку захлопнула. Осел остановился.

— Ему нужно оставлять проход открытым, — объяснила Сатеник.

Ованес пожевал губами.

— Почему тогда Сурен не рассказал мне этого?

— А ты небось пришел к нему и вежливо спросил, да? — не удержалась от иронии она.

— Много на себя берешь, женщина, — нахмурился Ованес и погладил осла по голове, — ну что, старый трех , дружить будем? Ты не против, если я тебя Марлезоном стану называть?

Осел глянул на него своими большими вишневыми глазами и коротко кивнул. С того дня между ними установились уважительные отношения — Ованес заблаговременно распахивал калитку и отходил в сторону, освобождая ему дорогу, а осел верой и правдой ему служил.

Памятуя об этой истории, Ованес не терял надежды, что случай с аллергией на пчелиный яд — глупое недоразумение.

«Раз с ослом договорились, то и с пчелами обойдется», — бубнил он себе под нос, собираясь на пасеку.

День с самого утра не задался. Отличилась, естественно, Сатеник: не спросивши, она отдала самый любимый топор Ованеса соседу. У Ованеса было пять разных топоров, на все случаи жизни. Относился он к ним бережно, можно сказать — с любовью: точил собственноручно, не доверяя электрическому шлифовальному кругу, удалял ржавчину керосином, хранил в специальном сундуке, чтобы топорище не усыхало в проушине. Особенно берег легкий в работе, неубиваемый колун, оставшийся от деда. Раритетный, можно сказать, экземпляр. Случись чего — поди, поищи такой.

И теперь, благодаря глупой жене, не удосужившейся спросить разрешения, чужой мужик самозабвенно колол дрова родным дедовым топором.

— Ты хоть поняла, что наделала? — зудел Ованес, периодически косясь на не в меру разошедшегося соседа — щепки от его стараний чуть ли не по всему двору летали.

Сатеник сначала пожимала плечами, потом не вытерпела, съязвила:

— Родину, что ли, продала?

Ованес чуть дар речи не потерял.

— Ты не родину продала, — засипел он, — ты конкретно надругалась! Надо мной и над моим инструментом!

И, обиженный на жену, поехал на пасеку.

Путь пролегал мимо крохотной парикмахерской, которую на днях открыл внучатый племянник Жорик.

— Заглянем, посмотрим, как он там устроился, — тормознул Марлезона Ованес.

Жорик как раз стриг Гадрутанц Паро. Ованес поздоровался и бесцеремонно уставился на нее. Паро была очень некрасивой женщиной. Даже беспощадно

некрасивой — огромная голова на короткой толстой шее, изрытое оспинами лицо, три поперечные волосинки. Жорик эти три волосинки старательно стриг.

— Ах, как красиво, — время от времени восклицала Паро, изучая свое отражение в зеркале, — ах, как красиво!

— Очень красиво, — соглашался Жорик, — очень!

Когда Паро, расплатившись, ушла, он обернулся к двоюродному деду и развел руками:

— А что я должен был говорить?!

— И то верно, — отмер Ованес.

— Нелегкая у него работа, — удрученно делился он потом с Марлезоном, — стриги и поддакивай, стриги и поддакивай. Бедный мальчик, так ведь самоуважение потерять можно.

Ованес с большой симпатией относился к Жорику. Тот напоминал его в молодости — такой же нескладный, с остро торчащим кадыком и непослушными кудрявыми волосами. Как раз в его возрасте Ованес и жениховался к Сатеник. К первому свиданию съездил в город, прикупил модные по тем временам брюки, попросил мать их погладить. Брюки были ультрамодные, с могучей амплитудой, называемой в народе солнце-клеш. Мать подивилась их странному крою, но ничего говорить не стала. Нагрела на дровяной печке чугунный утюг и старательно прогладила через влажную марлю.

Ованес в тот день никуда не пошел. Потому что сбитая с толку солнце-клешем мать нагладила по боковому шву брюк такие сокрушительные стрелочки, что влюбленный кавалер выглядел в них сущим скатом. Идти в таком виде на свидание он отказался и весь вечер скандалил с матерью. На следующий день оказалось, что зря скандалил. Потому что Сатеник на свидание тоже не пришла. Младший брат из вредности запер ее в погребе, и она проплакала там до поздней ночи, пока ее не выпустили вернувшиеся из гостей родители.

— Такое вот бездарное у меня получилось первое свидание. Глупые были, молодые, счастливые. Вся жизнь впереди, ничего не боишься, ни на кого не оглядываешься, хэх! — тяжело вздыхая, рассказывал Марлезону Ованес. И, вспомнив про колун, тут же рассердился: — Знал бы, что так выйдет, не женился бы на ней!

Какое-то время ехали молча. Потом Ованес опять заговорил:

— А еще знаешь, что я часто вспоминаю? Как меня ребенком дразнили. Аж песню сочинили: «Молодой Ованес под кобылу залез. А кобыла его обосрала всего». Маленький был, обижался. Взрослым стал — смеялся. А теперь обратно обижаюсь. Видно, в детство впадаю. Что скажешь, Марлезон-джан?

Марлезон молча переступал копытцами по желтой дорожной колее и думал о том, что хозяин сегодня излишне говорлив. Не к добру это, волновался Марлезон.

Догадки его подтвердились на подступах к пасеке. Вместо того чтобы натянуть перчатки на лямках, хозяин закатал рукава рубашки. Распахнул калитку, отошел в сторону, впуская осла на пасеку. Запер тщательно калитку. Какое-то время переминался с ноги на ногу, бормоча под нос неразборчивое, словно наливался праведным гневом. Потом воздел кулак ввысь, потряс им и выкрикнул:

— Я вашу маму! Не родился еще в Бочканц-семействе человек, которого бы пчела положила на лопатки!

Уверенным шагом он направился к улью и бесцеремонно сорвал крышку. Первая же вылетевшая пчела ужалила его в руку. Вторая — в глаз. Третьей пчелы он дожидаться не стал, побежал к калитке. Споткнулся, рухнул ничком. Потерял сознание.

Марлезон заголосил. Но на соседних пасеках, как назло, никого не было.

Жорик бежал, на ходу развязывая парикмахерский фартук. Следом, прижимая к груди защитные перчатки на лямках, ковыляла Сатеник.

— Сынок, на меня не оборачивайся! — иногда выкрикивала она. Жорик оборачивался, но бега не замедлял:

— Бабушка Сато, вы ждите меня там!

Сатеник сгибалась, упиралась ладонями в колени. Отдышавшись, снова ковыляла за ним.

— Специально, небось, не взял! — всхлипывала она, теребя в руках перчатки.

Жорик столкнулся с мчавшимся к деревне Марлезоном на полдороге. Завидев его, осел резко затормозил и рванул обратно.

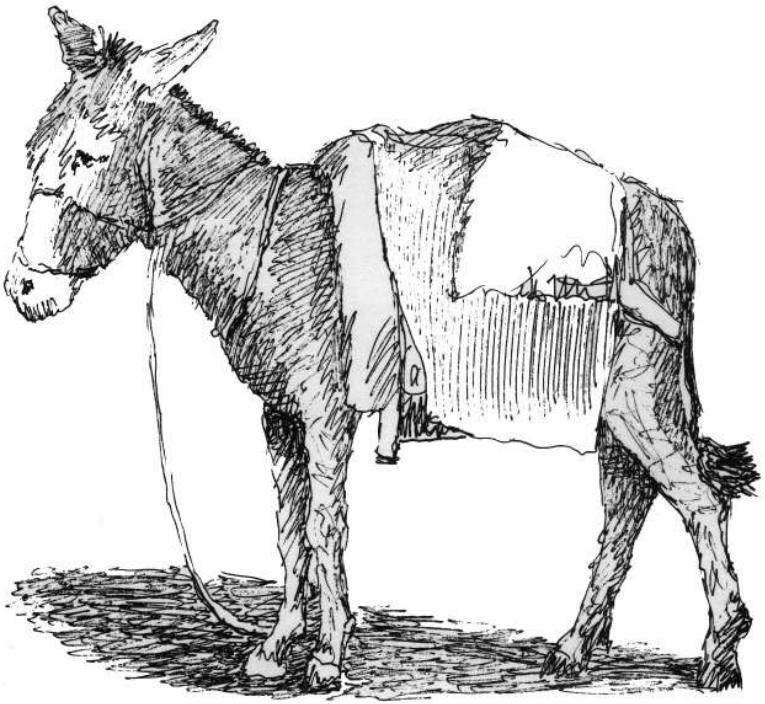
Ованеса, конечно же, спасли. Потому что не родился еще в Бочканц-семействе человек, которого так легко можно было бы на лопатки положить.

Пролежал он в больнице два дня. Очнувшись, первым делом спросил про свой колун. Цел или угробили?

— Да цел твой колун! — рассердилась Сатеник. — Ты лучше про Марлезона спроси. Он ведь копытами запертую калитку выбил! И в деревню помчался, чтобы на помощь позвать!

— Против своих принципов пошел, к закрытой калитке подошел! — прослезился Ованес.

Так как бросать медовый промысел он не собирался, Жорик съездил в город и привез хороший костюм для пчеловода: хлопковый комбинезон с прочной защитной маской, двойными молниями и резинкой на талии, лодыжках и рукавах. Про цену соврал, чтобы не доводить деда до нервного срыва. Ованес своего настороженного отношения к городским не поменял, но костюм исправно носил. Надежды на то, что аллергия на пчелиный укус — легкопоправимое недоразумение, не терял. Правда, выражал он эту надежду очень витиевато.

— Когда-нибудь они поймут, что натворили, но будет уже поздно, — приговаривал он каждый раз, собираясь на пасеку.

Марлезон соглашался, но держал копыта наготове. На случай непредвиденных ситуаций.